

КАРТИНА МИРА ЧЕРКЕССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XIX В.: МЕТОДОЛОГИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.А. Коновалов

З.Х. Кумахова

Постановка проблемы

В современном научном мире стали обыденными явлениями исследования, написанные в междисциплинарном русле с использованием не только методов, являющихся характерными именно для данной науки, но и смежных, а иногда и далеких друг от друга дисциплин. В современной науке происходит обновление содержательного пространства, переосмысление научной проблематики, смещение фокуса исторических исследований. Историки значительно расширили предметно-методологическую область своих исследований, вышли за рамки изучения исключительно политических, идеологических и экономических процессов. Более того, на постнеклассическом этапе развития гуманитарного знания именно субъективность «обычного» человека, свидетеля и участника исторического процесса, вызывает наибольший интерес. Внимание теперь концентрируется не только на внешних сторонах деятельности людей прошлого. На первое место выходят ранее считавшимися несущественными категории: картина мира, повседневность, ментальные представления, символические системы, обычаи и ценности, психологические установки.

Одним из направлений, по которым развиваются отмеченные тенденции стали гендерные исследования. В течение длительного времени историческая наука в центр своих интересов помещала мужчину, создавая «мужскую» историю, история женщин оставалась на периферии исследовательских интересов. Однако в последние десятилетия в науке возникают новые тенденции. Гендерная история, являясь одной из молодых и бурно формирующихся субдисциплин исторической науки, не просто актуализирует изучение «женской истории», она приближает к более полному видению социальной и культурной реальности прошлых обществ.

Эти тенденции нашли свое выражение и в исторической науке Северного Кавказа. В частности у историков, этнографов, культурологов пробудился интерес к переосмыслению места и роли женщины в традиционном обществе, изучению ее как субъекта социальной практики и – шире – как самостоятельного исторического субъекта. Труды, написанные о женщинах и об их месте в мире, перестали считаться редкостью. История женщин оказалась включенной в исторический канон [8, с. 220; 19, с. 205]. Появилось множество объединений и организаций, которые проводят конференции и семинары, посвященные данной проблематике.

Однако пока «женская история» в северокавказском гуманитарном знании делает первые шаги. На сегодняшний день остаются малоисследованными многие сюжеты, существуют пробелы в научном знании, которые еще

предстоит восполнить. В свете происходящих изменений стала явной недостаточность изучения только внешних характеристик жизни женщины в традиционном северокавказском обществе. Заявляет о себе необходимость исследования ее внутреннего мира, ее взгляда на окружающий мир и себя. Актуальной научной задачей теперь становится воссоздание целостного образа «женщины-горянки», включающего в себя как объективную, внешнюю реальность, так и ее субъективное отношение к этой реальности.

Настоящая статья посвящена рассмотрению проблем и путей решения обозначенных выше вопросов на примере изучения картины мира черкешенки XIX – начала XX вв. Реконструкция картины мира позволяет построить не просто отражение каких-либо внешних, явных структур прошлого, но «выявляет характерные для изучаемого человеческого сообщества совокупности образов, представления, ценности, которыми руководствовались в своем поведении члены той или иной социальной группы» [25]. Воспроизведение картины мира предстает перед нами как необходимый компонент исторического исследования. Такая реконструкция чрезвычайно продуктивна для изучения внутреннего мира черкешенки тем, что позволяет разрушить стереотипы, сложившиеся о ней, и воспринимать ее не только как объект действия социально-политических сил, но и как субъект смыслопорождения.

Методология исследования

Любой исследователь, описывая и интерпретируя исторические явления, так или иначе руководствуется актуальной для него системой ценностей, мировоззренческими установками и представлениями своей исторической эпохи. Чтобы проникнуть в жизненный мир людей прошлых эпох, аутентично выразить в исследовании их идеологические и духовные приоритеты, историку необходим особый метод исследования исторических и историографических источников, позволяющий перебросить мост в прошлое [7, с. 111].

Появившись относительно недавно, понятия «картина мира» и «ментальность» широко используются в научных кругах как методологическое средство, позволяющее проникнуть во внутренний мир людей прошлых эпох. Вслед за представителями школы Анналов, которые описали важнейшие элементы ментальности, мы полагаем продуктивным выделение основополагающих категорий картины мира черкешенки и структур повседневности, в которых она пребывала.

Однако представляется необходимым обозначить и более глубокий философско-мировоззренческий фундамент, на котором базируется понятие «ментальность». На наш взгляд таким фундаментом является историческая феноменология. Понятие «феноменология» появляется уже в XVIII-XIX в. в произведениях Канта, Гегеля, а затем и в естественных науках [9]. Как развитая философская система и метод анализа феноменология предстает в трудах Эдмунда Гуссерля, написанных в самом начале XX в. Вместо предметов, ценностей и целей, Э. Гуссерль рассматривает субъективный опыт, в котором

они «являются». Эти «явления», полагает философ, суть феномены, которые по своей природе должны быть «сознанием-о» их объектах, независимо от того, реальны ли сами объекты или нет. Таким образом, понять, что такое вещи, можно лишь через описание «феноменов», т.е. явлений, «которые предстают сознанию после осуществления «эпохе», т.е. после заключения в скобки наших философских воззрений и убеждений, связанных с нашей естественной установкой, которая навязывает нам веру в существование мира вещей» [20]. При этом мир не перестает существовать для познающего субъекта – он обретает существование для нас, но в качестве феномена сознания [5, с. 348].

Феноменологический подход отличается акцентуация внимания исследователя на таких элементах, как интуиция, образ, метафора, рефлексия, фантазия и т.д. Эти элементы представляют собой явления глубинного, не всегда осознаваемого пласта психики, но с точки зрения феноменологии являются реалиями человеческого сознания и в качестве таковых входят в актуальный или «визуальный мир» человеческой культуры. Именно такие феномены, полагает О.В. Первушина, в большой степени характеризуют понятие «картина мира», которое является результатом не только рационального постижения мира, но и интуитивного предположения и предвидения, предчувствия и озарения, рефлексии и фантазии [22].

Феноменология, изучая каждое явление как отдельный феномен, дает нам возможность реконструировать картину мира черкесской женщины, то есть увидеть мир ее глазами. Внешние атрибуты жизни черкешенки, особенно такие важные, как семья, Бог, смерть и т.д., становятся для историка факторами ее внутреннего бытования. Исследователь изучает эти проявления ее повседневной жизни не сами по себе, его задача глубже: прояснить, что данные категории значили для самой черкесской женщины. Предмет его исследования – сама черкешенка как социокультурное и антропологическое явление.

Проблема источников

Одной из серьезных трудностей, с которой сталкиваются исследователи гендерной истории на Северном Кавказе, стало отсутствие, еще в относительно недавнем прошлом, письменности у народов, проживающих на данной территории. Исследователям женского мира Европы и России обширный материал предоставляет переписка или личные дневники. Тем, кто изучает кавказский материал, труднее. Письменность у северокавказских народов появилась только в XX веке. Поэтому в качестве источников личного характера исследователи могут использовать лишь материалы фольклора и вещественные источники. Дальнейшее изложение в основном опирается на фольклорные источники.

Важными источниками, несущими психологические установки и отпечаток эмоций черкешенки, являются народные песни и пословицы. Через изучение народных песен выявляются идеальные образы в мировоззрении черкесской женщины, а пословицы наглядно иллюстрируют бытовые, повседневные ситуации.

Адыгский просветитель XIX века Адыль-Гирей Кешев утверждал, что из всех произведений народного творчества песня служит наиболее полным и верным выражением отличительных свойств народного характера. Вот почему при изучении бытовых особенностей какого-либо народа исследователи обращаются к песням как к одному из главнейших пособий, сохранившихся в его памяти. Песня, утверждал просветитель, приобретает значение исторического документа даже в таких странах, где письменные памятники сохранились с древнейших времен. Понятно, что она должна быть рядом «с изустными преданиями, единственным достоверным источником при исследовании прошлой жизни всякого народа, не имевшего никогда письменности, каковы, например, кавказские туземцы» [11, с. 326].

Конечно, далеко не всегда сюжет фольклорного произведения в точности воспроизводит реальные события, и не всегда содержащиеся в песне или преданиях оценки объективны и исходят из подлинного положения вещей. Но в любом случае в народном творчестве выражаются мировосприятие и интерпретация конкретных событий, свойственные огромной массе простых людей [1, с. 5].

Для выявления феноменов сознания черкешенки XIX – начала XX века весьма продуктивным источником являются пословицы. Пословица – это синтезированная, закодированная в специфическую форму и структуру информация, содержащая выводы и закономерности, касающиеся разнообразных сторон бытия; это, как отмечалось в литературе, мировоззрение, нравственная, этическая, наконец, эстетическая система, свойственная данной этнокультурной традиции [15, с. 5].

Следует подчеркнуть, что в кабардино-черкесском языке пословицы и поговорки говорят в основном о женщине вообще, но выделены и небольшие группы пословиц и поговорок, характеризующих жену, вдову, дочь, мать [30, с. 151].

К группе пословиц с положительной характеристикой можно отнести следующие: «Ныбжьэгъум ягъэпуда лЫр фызыфЫм кЪыдехыж» (Престиж мужа, подорванный друзьями, восстанавливает жена), «Уи фыз лАмэ, уи щЫльэныкъуэ гуэхуащ» (Скончалась жена – не стало половины тебя), «Фыз зимылэ щАлэрэ шхуэ зыпщАэхэмыль шырэ» (Мужчина без жены, что конь без уздечки) и т.д. [30, с. 152].

Весомость жанра пословицы, поговорки, как впрочем и других паремий, в культуре бесписьменного в прошлом народа несоизмеримо выше, нежели у народов, обладающих письменностью, ибо именно на эти лапидарные, емкие, обладающие мощным смысловым потенциалом формы ложится общая для всего фольклора функция коммуникации, трансформации культурной традиции [15, с. 5].

Исследование фольклорных источников позволяет выстроить картину мира черкешенки и выделить наиболее яркие категории ее мышления, феномены, формировавшие ее сознание. Воспоминания человека, прошедшие через его сознание, отражают его «видение» событий, не обязательно совпадающее с «видением» других людей или с реальностью. В то же время

субъективность может быть достоинством устных источников, предоставляя широкое поле для исследований в области формирования и трансформации исторического сознания, а также ментальности народа [31, с. 105].

Различные формы фольклора и категории сознания черкешенки развивались коэволюционно, взаимно влияли друг на друга. Фольклор как неотъемлемая часть жизни адыгского общества в серьезной степени формировал личность черкешенки с самого раннего возраста и на протяжении всей жизни. Черкешенка же в свою очередь оказывала воздействие на фольклор как посредством его применения в повседневной жизни, так и принимая участие в его формировании.

Черкешенка в социальном пространстве традиционного общества

Задача осмысления внутреннего мира черкешенки предполагает исследование прежде всего субъективных сторон ее бытования. Однако для ее решения историку все таки необходимо осветить мир объективный, то есть реалии и условия в которых она проживала. Необходимо представить себе кем была женщина для окружающего ее мира: полноценной личностью с мнением заслуживающем внимания, или приложением к мужу и детям. Такой сферой требующей пристального изучения является правовое и имущественное положение черкешской женщины в XIX веке.

Отсутствие у женщин прав основывалось на принципе, что юридически они не существуют отдельно от своих мужей/отцов. Замужняя женщина не могла возбудить дело против кого-либо, против нее не могли возбудить дело, она не имела права подписывать контракты, составлять завещания, зарабатывать себе на жизнь, осуществлять контроль над своей собственностью. По общему правилу женщины не могли быть свидетельницами. В тех случаях, когда их привлекали в качестве таковых, их показания должны были подтверждаться братьями или мужьями [28, с. 8].

По правовым нормам адата женщина являлась недееспособной и приравнивалась в этом отношении к несовершеннолетнему ребенку. Однако, это не значило, что с женщиной вовсе не считались. Целью опекуна над женщиной не было её так называемое «порабощение», муссировавшееся в советской историографии. Это было связано с особенностями социального устройства и общественной жизни горцев, находящихся в тот период в состоянии непрекращающихся войн, где женщина, как и ребенок – более слабые существа физически нуждались в защите и опеке, что нашло свое отражение в адате.

Как пишет Х.М. Думанов, «в дележе наследственного имущества участвовали только мужчины» [6, с. 90]. Это была общекавказская обычно-правовая норма. Предполагалось, что невестки должны довольствоваться своим приданым, мать же и дочери переходили на обеспечение отца, а чаще одного из братьев, которым в данном случае давалось что-нибудь из общесемейного имущества. Норма эта была настолько непреложна, что даже в отсутствии прямых наследников-мужчин женщины не наследовали. На всем Северном

Кавказе по адатам по пресечении мужского колена в одной из линий какой-либо фамилии недвижимое имущество, не переходя в женское колено, возвращалось в мужское поколение другой линии [6, с. 90]. Но во второй половине XIX в. этого правила придерживались только в тех случаях, где было нежелательно дробление земли.

Что касается личных прав женщины, то у исследователей складывается впечатление, что «жена подчинена мужу, как своему законному господину. Она должна работать на него, сносить безропотно наказания и во всем своем поведении оказывать ему раболепное уважение холопа к вольному» [16, с. 240]. Такое положение вещей Ф.И. Леонтович объясняет обычаем выплаты калыма за жену: «Так как жена приобретается покупкой, а потому она есть, так сказать, раба мужа и во всем должна повиноваться, быть покорной ему, как своему господину, и быть верной ему до смерти» [16, с. 240]. Однако выплату калыма за невесту и покупку раба не следует отождествлять. Адаты и нормы мусульманского права трактовали калым по-разному: адаты – как выкуп родителям невесты, шариат – как дар самой жене.

Таким образом, выплата калыма не давала права мужу относиться к жене как к рабе. Более того, судя по адатам «муж ни в коем случае не может своей жены ни продать, ни лишить жизни, даже в том случае, если она окажет неверность», «каждый муж считает для себя высшим оскорблением слышать дурной отзыв о своей жене. Скорее он перенесет наносимую брань его отцу и матери и даже самому себе, чем дозволит оскорбить свою жену» [16, с. 240]. Хотя у народов Кавказа считалось постыдным поднять руку на женщину, серьезные поступки составляли исключение из этого правила. По обычному праву адыгов, кумыков и многих других народов Северного Кавказа, за нарушение супружеской верности мужу не возбранялось убить или покалечить свою жену, хотя возможность мести со стороны родственников жены делала такие поступки нечастыми [16, с. 240].

Существовало несколько точек зрения на правовое и имущественное положение черкесской женщины XIX – начала XX в. в традиционном патриархальном обществе. Первая точка зрения получила распространение в рамках марксистской идеологии, проповедовавшей активную эмансипацию женщин и заключала в себе утверждение о том, что кавказские женщины находились в угнетенном почти рабском положении, и подтверждали свои выводы примерами «купли/продажи» женщины, имея в виду распространенный на Кавказе калым.

Но современные исследователи придерживаются несколько иной точки зрения. Они полагают, что женщины Кавказа и в особой степени черкешенки не находились в столь приниженном положении. Главный аргумент исследователей калым они не склонны рассматривать в унижающей женскую половину ключе. Размеры калыма, и он сам по себе, по их мнению, являются доказательством заботы о женщине и о ее будущем в новой семье, семье ее мужа. Ведь калым призван был в первую очередь показать насколько высоко оценивается эта девушка и как непросто ее добыть.

Все описания быта адыгов первой половины XIX в. подчеркивали отличие положения черкешенки от положения восточной женщины. «Женщины у черкесов не так ограничены, как у других азиатов» – сообщал Г.-Ю. Клапрот [12, с. 265]. По словам И.Ф. Бларамберга, «у черкесов женщины не находятся в таком заточении как у других азиатских народов» [4, с. 361]. К. Кох утверждал, что «Женщины у черкесов не отделены так от мужчин, как это принято на Востоке, и они принимают участие во всех празднествах и прочих увеселениях» [13, с. 59]. Лишь во второй половине XIX в. в Кабарде положение стало меняться под влиянием активной деятельности мусульманского духовенства. Так, народный кадий Нальчикского округа провел на сходе крестьянских представителей постановление о «воспрещении всем от 10-летнего возраста женщинам появляться на улицах, а также на танцах с обнаженными головами, т.е. без платков, а также воспрещении девушкам во время танца брать мужчин за ладонь рук» [23, с. 102].

Женская половина дома была также недоступна мужчинам, как мужская женщинам, выйти на улицу с наступлением темноты можно было только с разрешения старших и в сопровождении кого-нибудь из родственников, не поощрялось и совместное пребывание мужчин и женщин. Покрывала в крестьянском быту были не в ходу, но под влиянием шариата женщина при старших или при посторонних мужчинах теперь чаще прикрывала концом головного убора нижнюю часть лица.

Социально-политическая активность предполагает представительство во властных органах, принятие обязательных для других решений, признание обществом формального авторитета тех, кто обладает способностью доступа к институтам политического доминирования. В подавляющем большинстве культур женщины с давних пор были отстранены от всех публичных властных структур, включающих социально-политическую, правовую и экономическую сферы деятельности. Но бесспорно влияние женщин на действия и решения мужчин, занимающих доминирующие позиции в патриархальном обществе. Женщины могли усилить позиции семьи, устраивая политически или экономически выгодные браки, способны были психологически воздействовать на принятие решений близкими им мужчинами, могли влиять на происходящие события и судьбы отдельных людей, оказывая им покровительство. Это неформальное, иногда скрытое влияние играет значительную роль в социально-политической истории, и некоторые примеры подтверждают важность гендерного фактора в изучении вопросов, с одной стороны, обладания легитимной публичной властью и, с другой стороны – способностью воздействовать на внешние обстоятельства политического характера из частной, домашней сферы. Бытование на Кавказе обычаев почитания женщин стало общим местом в этнографической литературе: «Они пользуются важной привилегией, которая вытекает из морального кодекса этого народа; мы хотим сказать об уважении и даже почитании, которое черкесы испытывают по отношению к праву защиты и посредничества, принадлежащему женщинам» [4, с. 385].

«Чужеземец, становящийся под покровительство женщины и допущенный коснуться ее груди концом своих губ, получает защиту как брат, будь он даже врагом и убийцей одного из близких друзей...» [21, с. 221].

Женщина не имея возможности участвовать в политической социальной жизни общества, тем не менее, имела свои пути и механизмы для воздействия на решения общины. Своей мудростью, иным подходом к очевидным вещам, ей удавалось воздействовать через своих близких мужчин, мужа, сыновей, братьев на жизнь общества в целом.

Категориальная структура ментальности черкешенки: опыт реконструкции

Локализация черкешенки в социальном пространстве, ее статус в обществе и приписываемые ей социальные роли служили точкой отсчета и задавали систему координат ее картины мира. Категории сознания черкешенки можно разделить на следующие виды: экзистенциальные (Бог, смерть, потусторонний мир); социальные (детство, старость, богатство, бедность); категории психологические (любовь, гордость, честь, зависть).

Глубинные основания картины мира в любой культуре, у каждой социальной группы или индивида формируют пространственно-временные представления. Пространственные представления во многом определяли внутренний мир черкешенки. Для более яркого и конкретного представления черкешенкой пространства, в котором она проживала, на наш взгляд, целесообразным является его разделение на три уровня. Первый уровень пространства – это микропространство, то есть та территория, которая являлась для черкешенки хорошо изученной, те места повседневной жизни, где проходило почти все ее бытие. Прежде всего, это дом, в котором она жила, и двор, в котором находился этот дом. Следующий уровень пространства – это мезопространство, к которому относится село, в котором жила черкешенка, соседние села, где проживали ее родственники, или места, знакомые ей по рассказам мужчин семьи, бывавших там в походах (зекIуэ). Последний уровень пространства – это макропространство. Речь идет о далеких по ее представлениям странах: Турции, Персии, России.

Изучение восприятия пространства черкешенкой предоставляет большое поле деятельности для историка. В этой связи ему предстоит осветить множество вопросов. Как черкешенка воспринимала пространство само по себе, что она вкладывала в понятия «далеко» и «близко», как она воспринимала те села, которые служили целью походов мужчин ее семьи? Необходимо понять, какое место в ее мире занимали окружающие страны, оставались ли они далекими, не затрагивающими ее сознание объектами, были ли они для нее враждебны или воспринимались как, например, источник благ и предметов роскоши.

Черкешенка не могла не иметь некоторых темпоральных представлений. Являлось ли время предметом осмысления либо представляло собой категорию, о которой черкешенка не задумывалась?

Планировала ли она свою жизнь или жила сегодняшним днем? Была ли быстротечность времени предметом сожаления или для нее оно текло медленной полноводной рекой? Что для нее было прошлым и как далеко простиралась ее историческая память?

Изучая пространство, которое окружало черкешенку, и время, в котором проходила ее жизнь, нельзя не задуматься о том, какое место занимал в ее сознании Бог. Предстоит выяснить, мыслился ли он тем, кто отстраненно наблюдает за ее жизнью, не вмешиваясь в ее течение, либо тем, кто ежесекундно находится рядом с ней, управляя ее повседневностью.

Говоря о Боге и его ответственности за смерть, нельзя не затронуть тему самой смерти как одной из важнейших составляющих мира каждого человека, в данном случае черкешенки. Что такое смерть в обыденном мире черкесской женщины, как она воспринималась ею и зависело ли это восприятие от того, кто именно умер и при каких обстоятельствах? Что если смерть унесла с собой мужа, сражавшегося с врагами-гяурами, нужно ли оплакивать его смерть или воспринимать ее как честь и гордиться им? Историк должен попытаться найти и ответ на вопрос, считала ли черкешенка, что Бог является тем, кто виноват в смерти ее близких, и следует ли вообще кого-то винить. Существует ли загробная жизнь и не является ли она лучшим местом, чем жизнь земная? Какие формы в мире черкешенки принимал культ предков?

Вера в Бога, размышления о смерти неизбежно влекут за собой экспликацию представлений о добре, о зле и об их носителях, таких как добрые или злые духи. Существовал ли в системе представлений об окружающем мире черкешенки мир сверхъестественный, как он, по ее мнению, себя проявлял, какими были его представители: несущими ужас и страх или теми, кто помогал и оберегал? Особый интерес у исследователя должен вызвать тот факт, что злые духи и демоны у адыгов почти повсеместно представлены женским полом [10, с. 284].

Существует немало работ, написанных исследователями адыгского этикета, о почитании и уважении старости и о практическом выражении в повседневной жизни этого требования этикета [2, с. 160; 3, с. 10; 13, с. 15; 17, с. 11]. Но мы предполагаем, что выяснится еще множество неизведанных граней преломления данной социальной нормы в категориях картины мира черкесской женщины. Перед исследователями предстанут вопросы: что есть старость для черкешенки – время заката жизни с ее немощностью, когда надо ожидать скорой смерти или время всеобщего уважения и почитания; следует ли ее опасаться или, наоборот, ждать того момента, когда из молодой снохи женщина превратится в хозяйку дома?

Затронув вопрос о старости и старшинстве в семье, невозможно не раскрыть такую важную, составляющую основу жизни черкешенки категорию, как семья. И здесь перед исследователем предстанет огромное поле деятельности. Казалось бы, о семейных отношениях адыгов написано немало [26, с. 178], и есть даже отдельные работы, посвященные именно женщине и ее статусу в семье [28, с. 76; 15, с. 234]. Но, как уже отмечалось выше, реконструкция картины мира для историка тем и интересна, что позволяет

взглянуть по-новому на уже давно изученные вопросы. Акцент при изучении категории «семья» должен переместиться с внешних конструкций адыгской семьи на отношение самой черкешенки к этой семье. Историк должен поставить ранее не задаваемые исследователями вопросы: что вообще она думала о своей семье, как она относилась к членам своей семьи и согласна ли она с заведенными порядками? Действительно ли она почитает своих свекра и свекровь или это только внешнее проявление безразличия?

Исследование данной категории, на наш взгляд, следует начать с отношений между незамужними девушками и потенциальными женихами. Необходимо понять, что для черкешенки было главным в будущем муже, какие качества она хотела в нем видеть: храбрость, смелость, безрассудство, осторожность или мудрость и сдержанность?

Одним из важнейших феноменов в картине мира адыгской женщины следует считать мужчину. С детства ее готовили к замужеству, напевая ей колыбельные, песни первого шага. В девочку закладывали качества идеальной жены, снохи, матери и, что занимало немаловажное место в жизни адыгов, прививались представления о стандартах красоты черкешенки.

Основная тематика адыгских колыбельных песен – это радость родителей, их мечты о прекрасном будущем для ребенка. Создателями и исполнителями колыбельных песен являются женщины, в основном матери и бабушки. Понятно, что содержание песен связано с их миром переживаний.

Спи, спи моя лохматая куколка
Моя лохматенькая, малюсенькая,
Чьи глаза карие,
Чье лицо – бледное луна,
Чье лицо блестит как солнце [18, с. 112].

В последующей жизни тема красоты и благонравия, скромности и достоинства получает продолжение в виде поздравительных песен – тостов невесте:

Чтобы всегда красивой была,
Чтобы всегда счастливой была
Мы желаем невесте
Чтобы немало рожала детей
Чтобы рожала одних сыновей
Мы желаем невесте [24, с. 56].

В песне «Гыбзэ об убитых в битве с русскими при селении Идарей» [1, с. 169] прослеживается идеальный образ мужчины, который ловко владел шашкой, участвовал в набегах, и проявлял храбрость в битвах.

В рамках этого феномена прослеживается отношение черкешенки к таким чертам характера, как гордость и честь, смекалка, остроумие и т.д., причем имеется в виду не только их присутствие в мужчинах, но и в самой женщине, девушке.

Особой категорией сознания черкесской женщины была война и отношение к ней. Через нее прослеживаются феномены смерти, мужества, ценности жизни. Кавказская война оказала огромное влияние на жизнь и сознание черкешенки XIX века. Фольклорными источниками, в наибольшей степени позволяющими изучить это влияние, являются песни-плачи (гъыбзэ). Призванные оплакивать погибших участников войны – адыгов, они при внимательном и детальном анализе предоставляют исследователю обширный материал. Это качества, ожидаемые от мужчин-воинов, многочисленные сюжеты где описываются совершенные ими подвиги, за которые их увековечили в народной памяти.

Песни-плачи позволяют проследить изменение отношения к привычным, обыденным вещам под влиянием разрушительной войны. В этой связи заслуживает внимания изменение отношения к детству в колыбельных песнях. Эти песни становятся не просто способом укачать ребенка, постепенно они начинают оказывать целенаправленное влияние на характер будущего воина. В сына теперь закладываются не просто качества достойного адыга, его растят как воина-мстителя гяурам, убившим его отца.

Умер отец твой, а я осталась.
Хоть и не стала бы смерти бояться,
Буду теперь героя растить,
Бесстрашного богатыря,
Кабарде моей защитника [1, с. 177].

Другая песня повествует о плененном царскими войсками горце и о горе, испытываемом его возлюбленной, которой не милы стали все украшения и золото, если жизнь возлюбленного в опасности.

Черная гармошка в руках Нуры.
Кабаны жиреют на тучной земле.
Взяли милого друга Даута.
Дорогой снимаю перстень,
Бросаю в подол я перстень [1, с. 176].

Песня очень ясно передает настроение, испытываемое героиней. Такие метафоры, как «черная гармошка», «кабаны жиреют на тучной земле» выражают ее скорбь, гнев и ненависть к захватчикам.

В «Песне-плаче о жителях Лабы» повествование ведется от имени женщины. Отношение к изображаемому событию в ней выражено через восприятие женщин, вынужденных принимать непосредственное участие в сражении и переносящих все ужасы плена. В песне последовательно раскрываются злодейства солдат, их бессердечие, жестокое обращение с населением.

Река уносила детские трупы:
Ханний, жена брата моего мужа.
На вид чернявая, тоненькая.
Шелковистые ее две большие косы

Служат уздечкой для гяуров.
Когда посмотрим в конец аула,
То река несет детские трупы [1, с. 341].

Перечисленные направления исследования не исчерпывают всю полноту открывающихся перед историком перспектив. В совокупности реализация описанных направлений научного поиска позволит приблизиться к идеалу, описанному Ф. Броделем: тотальной истории, системно и разносторонне, с наиболее возможной полнотой описывающей и анализирующей изучаемое явление, в данном случае картину мира черкешенки XIX – начала XX века.

Заключение

1. Феноменологический подход является наиболее продуктивным при реконструкции картины мира и горизонта повседневности черкешенки XIX – начала XX в. Его применение позволяет изучить не только внешние характеристики жизни черкешенки, но и понять ее внутренний мир.

2. Источниками позволяющими раскрыть картину мира и несущими в себе отпечаток эмоций черкешенки являются народные песни, и пословицы. Через изучение народных песен, мы выявляем идеальные образы в мировоззрении черкесской женщины, а пословицы наглядно иллюстрируют бытовые, повседневные ситуации.

3. В картине мира черкесской женщины выявляется ряд категорий формирующих ее сознание. Эти категории можно типологизировать следующим образом: экзистенциальные (Бог, смерть, потусторонний мир); социальные (детство, старость, богатство, бедность); категории психологические (любовь, гордость, честь, зависть).

4. Социокультурной константой мира черкесской женщины являлся феномен мужчины: отца, мужа, брата, сына. Представления о мужественности основывались на таких категориях как: храбрость, доблесть, справедливость, мудрость и т.д.

5. Семейный быт, повседневная жизнь черкесской женщины, круг ее обязанностей напрямую зависел от того положения, которое она занимала в аристократическом обществе, и от статуса, который у нее был внутри семьи. Женщина, принадлежавшая к дворянскому сословию, не занималась тяжелым физическим трудам, в ее обязанности выходило лишь управление домом, и швейное мастерство, если же это была женщина из крестьянской семьи, то она вынуждена была заниматься практически всеми видами хозяйственных работ.

6. Существовала коллизия в положении женщины в обществе и внутри семьи: черкешенка, не обладая формальным влиянием в обществе, но используя социальные практики такие как воспитание, уход, беседы и т.д. оказывала косвенное влияния на мужчину и реализовывала свои представления о мужественности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Адыгские песни времен Кавказской войны. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 237 с.
2. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика как соционормативная система // Мир культуры адыгов. – Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002. – С. 160-177.
3. *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 232 с.
4. *Бларамберг И.В.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 353-435.
5. *Гуссерль Э.* Избранные работы / Сост. В.А. Куренной. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 464 с.
6. *Думанов Х.М.* Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX начало XX века). – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 139 с.
7. *Журтова А.А.* Принципы исторической феноменологии и возможности их применения в историографическом исследовании по проблемам кавказоведения // Проблемы методологии исследования государственно-правового развития народов Кавказа: материалы III Международной научно-практической конференции. – Нальчик-Ростов-на-Дону: Альтаир, 2013. – С. 111-118.
8. *Заболотная Л.П.* Екатерина черкешенка – жена господаря Василия Лупу. Судьба одной женщины в истории Молдовы // Кавказология. – 2017. – № 1. – С. 220-237.
9. *Ингарден Р.* Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля // Любитель культуры: сайт. URL: <https://sites.google.com/site/lubitelkultury/Home-5-33> (дата обращения: 03.08.2017).
10. *Карпов Ю.Ю.* Женское пространство в культуре народов Кавказа. – Нальчик: Полиграфсервис, 2013. – 408 с.
11. *Кешев (Каламбий) Адиль-Гурей.* Характер адыгских песен // Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX в. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – С. 326-342.
12. *Клапрот Г.-Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 235-281.
13. *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа: исследования и материалы. – М.: Изд. вост. лит. АН СССР, 1961. – 260 с.
14. *Кох. К.* Путешествие по России и в Кавказские земли // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 585-629.
15. *Кудаева З.Ж.* Адыгские пословицы и поговорки. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 45 с.
16. *Леонтович Ф.И.* Адагы Кавказских горцев // Материалы по обычному праву Северного и восточного Кавказа. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – Вып. 2. – 310 с.
17. *Мафедзев С.Х.* Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 256 с.
18. *Мижгаев М.И.* Детский песенный фольклор адыгов // Сборник статей КЧНИИ. – 1973. – Вып. VII. – С. 107-120.
19. *Морозова Л.Е.* Мария Темрюковна – вторая жена Ивана Грозного // Кавказология. – 2017. – № 1. – С. 205-219.
20. *Незванов А.* Эдмунд Гуссерль в контексте философии Нового Времени // Интернет библиотека: сайт. URL: http://www.xliby.ru/filosofija/yedmund_gusserl_v_kontekste_filosofii_novogo_vremeni/index.php (дата обращения: 10.08.2017).
21. *Паллас П.С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 214-225.

22. *Первушина О.В.* Картина мира: возможность феноменологического подхода // Идеи и идеалы. 2009. №2: сайт. URL: <http://ideaidealy.ru/philosophy/kartina-mira-vozmozhnost-fenomenologicheskogo-podxoda/print> (дата обращения: 10.08.2017).

23. *Перишц А.И., Смирнова Я.С.* Положение Кавказской женщины по адатам, христианским канонам и шариату // Государство и право. – 1997. – №9. – С. 102-107.

24. *Песни живших до нас: из народной лирики кабардинцев и балкарцев.* – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд., 1966. – 190 с.

25. *Ретина Л.П.* Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Библиотека Гумер – гуманитарные науки: сайт. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/odiss/21.php (дата обращения: 12.08.2017).

26. *Студенецкая Е.Н.* О большой семье у кабардинцев в XIX в. // Советская этнография. – 1950. – № 2. – С. 176-181.

27. *Текуева М.А.* Гендер как социокультурный конструкт адыгского общества: дисс. ... д.и.н. – Нальчик, 2006. – 371 с.

28. *Текуева М.А.* Повседневная хозяйственная деятельность женщины в традиционном адыгском обществе // Вестник Дагестанского научного центра Российской академии наук. – 2006. – № 3 (24). – С. 76-80.

29. *Текуева М.А.* Статус женщины в адыгской семье: интерпретации этнографического материала // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе: материалы Международной научной конференции. – Махачкала: Изд. Дом «Эпоха», 2007. – С. 234-236.

30. *Темирчиева Р.С.* К вопросу «женщина-мать» и «женщина-жена» в пословицах русского и кабардино-черкесского языков // Перспектива-2008: материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – 2008. – Т. 1. – С. 152-156.

31. *Цикушева С.Я.* Устные источники в работах Ш. Ногмова и Хан-Гирея // Вопросы теории и методологии истории. – 2007. – Вып. 6. – С. 105-127.

УДК 930.1

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3-140-154

КАРТИНА МИРА ЧЕРКЕССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XIX В.: МЕТОДОЛОГИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.А. КОНОВАЛОВ
З.Х. КУМАХОВА

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: homunculus2@yandex.ru, kzaira@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме реконструкции внутреннего мира черкешенки XIX в. и выявлению категорий ее сознания. Для освещения данного вопроса весьма эффективным является применение феноменологического подхода, который позволяет изучить не только внешние характеристики жизни черкешенки, но и понять ее внутренний мир. В условиях отсутствия в обозначенный период у черкесов письменности, источниками, позволяющими раскрыть картину мира и несущими в себе отпечаток эмоций черкесской женщины, являются народные песни и пословицы. Задача воссоздания картины мира черкесской женщины предполагает исследование прежде всего субъективных сторон ее бытования. Однако для решения этой проблемы историку необходимо осветить и мир объективный, то есть реалии и

условия, в которых она проживала. Повседневная жизнь черкесской женщины и круг ее обязанностей напрямую зависел от того положения, которое она занимала в аристократическом обществе, и от статуса, который у нее был внутри семьи.

Ключевые слова: феноменология; гендер; ментальность; картина мира; междисциплинарность; черкешенка; фольклор; повседневность; феномены сознания.

XIXth CENTURY CIRCASSIAN WOMAN'S WORLD-PICTURE: METHODOLOGY AND LINES OF RESEARCH

**A.A. KONOVALOV
Z.KH. KUMAKHOVA**

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: homunculus2@yandex.ru, kzaira@list.ru*

Abstract. The article is devoted to the problem of reconstruction of the internal world of a nineteenth century Circassian woman and revealing the categories of her consciousness. To illuminate this issue, it is very effective to use the phenomenological approach, which allows us to study not only the external characteristics of the Circassian woman's life, but also to understand her inner world. In the conditions of absence of writing in Circassian's life during specified period, national songs and proverbs are the sources which allow to disclose a world-picture and bear the impress of emotions of the Circassian woman. The task of reconstructing the world-picture of the Circassian woman presupposes primarily an investigation of the subjective aspects of her everyday life. However, in order to solve this problem, the historian must also cover the objective world, that is, the realities and conditions in which she lived. The daily life of a Circassian woman and the range of her duties directly depended on the position she occupied in the aristocratic society, and on the status she had within the family.

Key words: phenomenology; gender; mentality; world view; interdisciplinarity; Circassian woman; folklore; everyday life; phenomena of consciousness.